

— Когда-то этот лес был очень красивым. Но больше двадцати лет назад здесь шла война. Вражеские войска подожгли горы. Сгорели деревья, животные и мирные жители, которые прятались здесь.

Лао Дао говорил на ходу.

— Война — жестокая вещь. Взрослые погибли, осталось множество беспризорных детей. Они выживали кто как мог.

Он срезал очередную ветку.

— Поэтому в те годы один за другим появлялись приюты. Они собирали детей без семьи. Но условия были тяжёлые. Один приют открывали — потом он закрывался. На его месте появлялся другой.

Цзян Цишань задумался.

— Значит... здесь скопилось огромное количество злобы и обиды.

— О, а ты вообще не удивляешься всей этой мистике.

Лао Дао хмыкнул.

— Я думал, ты убеждённый материалист.

— В мире всегда существуют вещи, которые люди боятся признавать, — спокойно ответил Цзян Цишань.

Он улыбнулся.

— Раньше и я не верил. Пока не начал разбираться с моим братом.

— С братом?

— Вы видели его фотографию. Он похож на психически больного, верно?

Лао Дао подумал.

— Я вижу только, что на нём много энергии смерти и его опутывает сильная обида. Что там произошло на самом деле — не знаю.

Цзян Цишань кивнул.

— Брат вырос в приюте. В детстве часто видел кошмары. Иногда просыпался и кричал: «Ши Цзянтин, не ненавижь меня!»

Он усмехнулся.

— Уже звучит как история, правда?

Цзян Цишань продолжил:

— Я тайно всё проверил. Приют назывался «Шоуван». Денег почти не было. Единственным другом брата в детстве был Ши Цзянтин.

Он посмотрел на Лао Дао.

— Отец рассказывал, что сначала они хотели усыновить именно Ши Цзянтина. Но перед отъездом тот якобы сбежал. Поэтому в итоге забрали Цзян Юя.

Глаза Цзян Цишаня блеснули.

— Разве здесь не скрывается что-то очень большое?

Лао Дао нахмурился.

— А сам приют, — добавил Цзян Цишань, — находится внутри Леса Чёрного Дерева.

Он почти весело улыбнулся.

— Мне ужасно интересно. Думаете, всё это связано?

Лао Дао, поддавшись логике рассказа, произнёс:

— Ты предполагаешь, что Ши Цзянтин вовсе не «сбежал». Его убил Цзян Юй, чтобы занять его место и попасть в вашу семью?

Цзян Цишань кивнул.

— Я проверял поисковые запросы брата. Он постоянно искал информацию о Лесе Чёрного Дерева, но одновременно блокировал все связанные темы.

— Поэтому я думаю: он убил Ши Цзянтина в горах и спрятал тело здесь.

— Это объясняет и исчезновение брата во время похода, и его страх при входе в лес.

Цзян Цишань развёл руками.

— Если добавить существование призраков, моя версия почти наверняка верна.

Шурх!

Лао Дао молча перерубил ветку.

— Плохо дело. Мстительный дух, который возвращается за убийцей, — один из самых неприятных случаев.

Они углублялись всё дальше.

Мрак становился плотнее.

Воздух давил.

Вдруг Лао Дао неожиданно лёг на землю и начал внимательно рассматривать почву.

Цзян Цишань уставился на него.

— Что вы делаете?

— Ищу человека в земле.

...

Прошло ещё три дня.

За стенами усадьбы всё так же моросил дождь.

Внутри постоянно горел свет, но даже он не мог вытеснить мрачность за окнами.

В последнее время Ши Цзянтин часто уходил.

Говорил, что разбирается с деревом, которое разломило молнией.

Похоже, то дерево было для него очень важным.

Цзян Юй по-прежнему не имел часов и считал дни по количеству приготовленных блюд.

Иногда он совсем не чувствовал голода.

Но чтобы тело продолжало работать, заставлял себя съедать всё, что давал Ши Цзянтин.

В этот день Цзян Юй сидел в его объятиях, словно безвольная кукла.

Ши Цзянтин уткнулся лицом в шею, руки крепко обхватывали талию.

— А-Юй, смотри.

Он вдруг достал старую чёрно-белую фотографию.

Цзян Юй увидел — и зрачки слегка сузились.

Это был общий снимок приюта.

Директор.

Учителя.

Все дети.

Ши Цзянтин, как главный помощник воспитателей, стоял почти в центре.

Даже на старой чёрно-белой фотографии его подростковая внешность выделялась.

А Цзян Юй...

стоял на самом краю.

Смотрел куда-то в сторону, а не в объектив.

Все улыбались.

Только он выглядел чужим.

Ши Цзянтин держал его в объятиях и пальцем показывал на людей.

— Смотри. Это учитель Ян. Это учитель Му. А вот директор. О, глянь на этого идиота во втором

ряду. Помнишь, как однажды ему в столовой дали остатки, а он сидел и счастливый всё съел? Ха-ха...

Он говорил без остановки.

Цзян Юй мог лишь натянуто улыбаться.

Вдруг Ши Цзянтин склонил голову.

— А-Юй ещё их помнит?

Цзян Юй слегка покачал головой.

Нет.

Не помнил.

В приютах дети появляются и исчезают постоянно.

Сегодня разговариваешь с кем-то.

Завтра его уже усыновили.

Эта фотография, пожалуй, была единственным снимком, где действительно собрались все.

— И хорошо, что не помнишь. А-Юю достаточно помнить только меня.

Ши Цзянтин прижал его крепче и слегка покачал, словно огромную игрушку.

А Цзян Юй не отрывал глаз от фотографии.

Он помнил другое.

Десять лет назад, вскоре после того как супруги Цзян усыновили его, приют «Шоуван» неожиданно получил огромное финансирование.

Потом старое здание закрыли.

Директор увёз детей в другое место, где построили новый приют.

А «Шоуван» остался заброшенным.

После переезда в семью Цзян он больше не следил за жизнью приюта.

В его воспоминаниях те дети только издевались над ним.

Он ненавидел их.

И мозг, пытаясь защититься, постепенно стёр лица и боль.

Но фотография снова открыла давно запечатанную дверь.

Третий ряд, пятый мальчик.

Он однажды вылил Цзян Юю на голову бутылку воды.

Второй ряд, первая девочка.

Она вместе с подругами отрезала ему волосы и привязала уродливый бантик.

Ещё один бросал камни.

Другой специально подставил ногу на физкультуре.

Слишком много.

Слишком много боли.

А у истока всего этого...

были приказы Ши Цзянтина.

Цзян Юй неотрывно смотрел на снимок.

Белки глаз покрылись красными прожилками.

Ему вдруг показалось, что каждый человек на фотографии смотрит прямо на него.

И улыбается.

Искажённо.

Мерзко.

В следующую секунду он выхватил фотографию.

Р-р-р-р!

Разорвал на куски.

— Ты...

Ши Цзянтин едва успел открыть рот.

ШЛЁП!

Пощёчина ударила так сильно, что звук разнёсся по гостиной.

Ши Цзянтин явно не ожидал.

На миг даже растерялся.

Цзян Юй тяжело дышал.

Потом оттолкнулся от груди Ши Цзянтина и, дрожа, выбрался из объятий.

— Ты специально мне напоминаешь?

Голос дрожал от ярости.

— Хочешь снова сделать больно? Тебе приятно видеть, как я опять всё вспоминаю?!

Ши Цзянтин молча смотрел снизу вверх.

Уголок губ покраснел.

Медленно появилась тонкая полоска крови.

Они долго смотрели друг на друга.

В воздухе повисла давящая тишина.

Через некоторое время Ши Цзянтин поднял одну бровь, вытер кровь пальцем и спокойно сказал:

— Я не понимаю, о чём ты.

<http://bllate.org/book/19625/1935196>